

9-12

13
ИСТОРИЙ

КОПИЛКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КНИГА 3

»» ИСТОРИИ О ДЕНЬГАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ ««

13 ГЕРОЕВ. 13 УРОКОВ.

ВАЛЮТА

ДОВЕРИЕ

НАЛОГИ

БЮДЖЕТ

ВРЕМЯ

ПРОЦЕНТ

ВЫБОР

ЕГОР КАЛЕВИН

Егор Калевин

Копилка приключений. Книга 3

«Автор»

2026

Калевин Е.

Копилка приключений. Книга 3 / Е. Калевин — «Автор», 2026

Тринадцать новых историй о деньгах для детей 9–12 лет — третья книга серии. Толя на ходу считает всё подряд: ступеньки в подъезде, чаек напруду, шоколадки в пачке — и однажды пробует посчитать то, что взрослые обычно вслух не считают. Женя носит под мышкой толстый альбом с наклейками зверей и обнаруживает подделку там, где не ждала. Айгуль вечно спешит с кружка на кружок, пока не понимает, что час — то же что-то вроде денег, только его нельзя положить в копилку. Аглая прощается со своим синим велосипедом, чтобы он покатался у кого-то ещё. Ефим требует новый джойстик «прямо сегодня» — и узнаёт, откуда вообще берутся деньги в доме. Налоги, подписки, банк изнутри, страховка, скидки — у каждого героя своя денежная задача, и каждый находит ответ сам, без лекций и готовых правил. Книга не поучает: она показывает, как обычные решения о деньгах принимаются на практике, и помогает ребёнку заметить то же самое в своей жизни.

© Калевин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Предисловие	6
Пять — это сколько	7
Наклейки, которые не липнут	12
Один плохой отзыв	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Егор Калевин

Копилка приключений. Книга 3

Оглавление

[Пять — это сколько](#)

[Наклейки, которые не липнут](#)

[Один плохой отзыв](#)

[Салфетка с двумя колонками](#)

[Сто рублей за спокойствие](#)

[Спасибо, кто платит налоги](#)

[Три тюльпана и одна открытка](#)

[Строчка на бумаге](#)

[Шесть маленьких котиков](#)

[Меньше по цене — не всегда меньше по деньгам](#)

[Тридцать рублей и один час](#)

[Дедушкина тетрадь](#)

[Синий велосипед в жёлтой шапке](#)

Предисловие

Привет, читатель!

А ты когда-нибудь спорил с калькулятором? Или доказывал, что скидка на скидку — это не всегда выгодно, хотя звучит заманчиво? В этой книге — тринадцать историй именно про такие моменты: маленькие, но настоящие денежные задачки, с которыми сталкиваются обычные дети.

Толя пытается понять, что вообще значит «пять» применительно к деньгам. Женя разочаровывается в наклейках, которые обещали держаться вечно. Юра рисует салфетку с двумя колонками, чтобы объяснить самому себе непростую вещь. Клава на рынке выясняет, что «дешевле по цене» и «дешевле по деньгам» — это не одно и то же.

Никто из героев не становится взрослым за одну историю. Но каждый на шаг ближе к тому, чтобы самому решать, спрашивать и считать — вместо того чтобы просто соглашаться или просто отказываться.

Читай как удобно — по порядку или выборочно, с той истории, которая зацепит с первой строчки.

Хорошего чтения!

Пять — это сколько

В кармане толстовки у Толи щёлкает кнопка калькулятора — это он на ходу считает, сколько плиток мороженого влезло бы, если купить не одну сразу, а по одной каждый день. Получается пятнадцать. С одной оговоркой: если пятнадцатую разделить с папой.

Толя вообще считает всё. Считает ступеньки в подъезде — сто двадцать две от лифта до последнего пятого этажа, если идти пешком. Считает вагоны в поезде, машины у светофора, окна в соседнем доме, где горит свет вечером. У него в комнате на полке — целый ряд тетрадок с наблюдениями: сколько чаек прилетело на пруд в прошлое воскресенье, сколько раз соседский кот прошёл под окном за месяц. Мама сначала беспокоилась. Потом привыкла и стала звать «мой считатель». Толя не возражает.

Папа ведёт его через торговый **центр** за руку. В субботний вечер тут людно, как в трамвае в час пик. Пахнет кофе с корицей и жареным миндалём. За спиной ровно звенит эскалатор.

— Куда идём? — Толя вытягивает шею.

— В обменник. К бабушке едем — а у неё в городе рубли не такие, как у нас.

— Как это — не такие?

Папа только кивает вперёд. За стеклом окошка сидит тётя с аккуратно уложенными волосами; над ней светится табло, где горит целый столбик букв и цифр — EUR, USD, CNY, BYN. Толя читает цифры и морщит нос: числа как числа, ничего не понятно.

Он достаёт из кармана свой жёлтый калькулятор — маленький, размером с раскрытую ладонь, с крупными кнопками. Калькулятор — его давний спутник. Толя не идёт в магазин

без него, не идёт с папой в кофейню без него; даже в школе в пенале лежит запасной. Папа однажды сказал: «Ты у меня прямо считатель», — и слово прижилось.

— Пап, а что за буквы?

— Это валюты. У каждой страны своя. Мы едем в Беларусь — там белорусские рубли. Пишут BYN.

— А сколько за наш рубль дают?

— Смотри сюда.

Папа показывает на строку с BYN, где стоят цифры покупки и продажи. Толя не сразу понимает, куда смотреть. Тётя за окошком отсчитывает мужчине **купюры** — быстро, как будто карты сдаёт.

— Значит, за один наш рубль дают... — Толя подставляет калькулятор, — совсем чуть-чуть их рублей?

— Именно. А за один их рубль дают почти двадцать восемь наших.

Толя молчит. Потом достаёт из другого кармана рекламный буклет — папа взял его на входе. На буклете — открытки, магниты, маленькие мишки в вышитых рубашках. Все с ценниками. «5», «10», «15».

— Смотри, пап, — он тыкает пальцем. — Тут мороженое — пять. Значит, там мороженое почти даром, что ли? У нас за пять рублей и семечки не купишь.

Папа улыбается — не насмешливо, а тепло, тем углом рта, каким улыбается, когда Толя опять что-нибудь ляпнул.

— Считай, Толь. У тебя же калькулятор.

Толя откидывает крышку. На кнопках знакомые царапины. Он честно набирает: пять умножить на двадцать восемь. Экран отвечает: 140.

Смотрит на экран. На буклет. Снова на экран.

— Стой. Пять белорусских — это сто сорок наших?

— Ага.

— А я думал, пять — это пять.

— И у тебя дома пять — это пять. Только у тебя дома — рубли. А там — тоже рубли, но другие. Их с нашими просто так не сравнивают. У каждой валюты — свой вес.

Толя **откладывает** буклет, но не выпускает его из руки. В голове у него что-то поворачивается. Он смотрит на мишку с надписью «10» и осторожно нажимает: десять умножить на двадцать восемь. Двести восемьдесят. Совсем не игрушечная цена.

Они с папой садятся у окна. Толя высыпает из **кошелька монеты** и одну тысячную купюру — тысяча рублей, скопленная за три месяца. Всё — на поездку. У него был план, старательно записанный в тетради ровным столбиком: пять мороженных, пять сувениров, одна большая шоколадка бабушке, пять открыток для Оли из соседнего подъезда.

Оля — соседская девочка из шестого подъезда. Ей девять, и у неё коллекция магнитиков с городов. Толя, когда узнал, что едет в Минск, торжественно обещал: «Я тебе такое привезу — прямо с зубром». Оля тогда тихо кивнула — но потом три раза за неделю переспросила: «Точно привезёшь?» Толя ей сказал: «Слово считателя», — и она приняла это как самое серьёзное.

Только план был в русских рублях. А ценники — в белорусских.

Он берёт калькулятор и складывает: пять по пять — двадцать пять, пять по десять — пятьдесят, шоколадка примерно двадцать, пять открыток по два — десять. Итого сто пять белорусских рублей.

Умножает на двадцать восемь. На экране появляется 2940.

Толя откладывает калькулятор на колени. Ушам становится жарко, шее — тоже. Тысяча рублей, которую он **копил** три месяца, — это не сто пять белорусских, а всего тридцать шесть с **копейками**. Никаких пяти мороженных. Никаких пяти сувениров. Даже до одной большой шоколадки — не всегда.

— Пап, — говорит он тихо, — я, кажется, всё считал в другой валюте.

— Всё считал в другой валюте, — соглашается папа, не поворачиваясь. — Классическая ошибка туриста. Ты не первый.

— А если бы я это в поезде понял? Или уже в магазине?

— Тогда бы стоял с полной корзинкой и грустно перекладывал обратно на полку. Такое тоже бывает.

Толя молчит. Потом снова щёлкает жёлтой кнопкой. Начинает считать заново — уже по-настоящему. Двое мороженных. Один магнит. Одна плитка шоколада. Одна открытка. Считает несколько раз. Потом ещё раз. Кладёт калькулятор в карман, и тот там уютно устраивается.

Пусто в кошельке не стало, а вот в голове стало ясно.

В поезде до Минска Толя не отрывается от окна. За окном мелькают маленькие станции — Смоленск, Орша, Борисов. На каждой остановке он выскакивает вместе с папой и смотрит цены в киосках: пирожок с картошкой — тридцать российских, потом на белорусской стороне

тот же пирожок — один белорусский. Толя не пугается: достаёт калькулятор, множит на двадцать восемь, получает двадцать восемь. «Пап, — говорит он гордо, — тут даже дешевле». Папа хмыкает, соглашается. Толя аккуратно записывает у себя в блокноте: пирожок — 28 против 30. Первая графа в новой таблице.

На минском вокзале бабушка ждёт у первого вагона, машет рукой. У неё в руках цветы — сирень, набранная во дворе, и небольшой пакет с пирожками для дороги обратно. Она обнимает Толю, треплет по макушке, замечает: «Ой, какой ты худой, тебя не кормят». Толя, довольный, показывает калькулятор и говорит: «Бабуль, у меня всё под контролем». Бабушка не понимает, но серьёзно кивает.

Через три дня Толя стоит в белорусском супермаркете, у витрины с печеньем. Пахнет свежими булочками, играет негромкая песня без слов. Бабушка в стороне выбирает творог. Толя достаёт калькулятор. Читает ценник, набирает цифры, делит.

Печенье в маленькой пачке — сто десять. В большой — сто восемьдесят. Он считает на грамм — большая выгоднее, но большую он потом за неделю не съест. Берёт две маленькие. Идёт к соседней витрине. Там сувенирная стойка — деревянные магниты. Один с зубром, один с еловой веточкой, один с васильками.

Он выбирает зубра. Считает — влезает в **бюджет**, и ещё остаётся чуть-чуть. Ровно на маленький магнит с васильками — для Оли из соседнего подъезда: обещал ей привезти что-нибудь «оттуда».

На кассе бабушка удивлённо поднимает брови.

— Толик, я думала, у тебя всё сегодня сторит на конфетах.

— Не в этот раз, — говорит он. — В этот раз я сначала считал.

Бабушка ничего не отвечает — только кладёт ему на плечо тёплую тяжёлую ладонь. Толя переступает с ноги на ногу и на всякий случай ещё раз щёлкает кнопкой калькулятора в кармане. Так, для проверки, что всё сошлось.

Всё сошлось.

Дома, когда Толя разбирает чемодан, он первым делом достаёт из-под свитера обёрнутый в салфетку магнит с васильками — для Оли. Идёт через двор в шестой подъезд, звонит в её дверь. Оля открывает, серьёзно смотрит.

— Ну как? — говорит она. — Привёз?

— Привёз.

Он торжественно вручает магнит. Оля разворачивает салфетку, ахает.

— С васильками. Мой любимый цвет.

— Знаю.

— А зубр?

— Зубр остался у меня. Я потом тебе покажу, если хочешь.

— Хочу.

Оля осторожно ставит магнит на бок ладони — как будто взвешивает.

— Тяжёлый.

— Настоящий. Из дерева.

Оля кивает. Уходит с магнитом в комнату. Через минуту возвращается — уже без магнита, но с довольным лицом.

— Толь, — говорит она серьёзно. — Ты в следующий раз куда поедешь?

— Ну... не знаю. Может, в Казахстан.

— Тогда мне тюльпан.

— Договорились.

Толя идёт обратно через двор. У себя в кармане щёлкает калькулятор — по старой привычке. Дома он открывает свой блокнот, дописывает в нём: «Казахстан — тенге. Курс узнать заранее». И под чертой аккуратно, печатными буквами: «Считай сначала, покупай потом». Так, чтобы не забыть.

Наклейки, которые не липнут

Женя переворачивает страницу и приклеивает морского конька — аккуратно, за один край, потом за второй, разгладив ладонью. Конёк ложится ровно, как надо. В альбоме с животными у неё осталось семь пустых мест: три рыбы, два кита, одна каракатица и жираф. Жирафа Женя ждёт особенно.

Альбом она начала в декабре — купила случайно, ей понравилась обложка с туканом, глядящим прямо на тебя. Оказалось, что внутри — двести двенадцать пустых окошек с силуэтами зверей: тапира, ленивца, снежного барса, императорского пингвина. Женя не знала половину этих названий. Пришлось идти к маме, смотреть в книге, потом в интернете. Так у неё появилась не только коллекция наклеек, но и настоящий список — список зверей, о которых теперь она знает, где они живут, чем питаются, спят ли зимой. Тапир, например, любит болото. Ленивец висит на дереве по восемь часов подряд. Про императорского пингвина Женя написала два раза «!» — потому что он высидивает яйцо на морозе.

Альбом у неё серьёзный: толстый, с картонной обложкой, где нарисован тукан. Женя носит его под мышкой, куда бы ни пошла, — в школу, к бабушке, в магазин, даже во двор. Мама сначала волновалась, что помнётся; потом махнула рукой. Помнётся — значит, живёт.

Сегодня — суббота, и мама разрешила пройтись по рынку игрушек у метро вместе с двоюродной сестрой Лией. У Лии два года разница и очень уверенный тон. Она сразу тянет Женю к рядам с пластмассовыми машинками.

— Мне не туда, — Женя мягко упирается. — Мне бы наклейки посмотреть.

— А, ну да, твоя коллекция.

Они идут между лотками. Пахнет корицей от лавки с булочками, за спиной хлопает тент от ветра. У одного из прилавков Женя останавливается. На картонке разложены пакетики с наклейками — те самые, из её серии. Только надпись на них какая-то не такая: цвета ярче, а тукан на упаковке смотрит не в ту сторону.

Рынок игрушек у метро — маленький, крытый, из синей тканой крыши. По четвергам и субботам здесь раскладывают лотки: пластиковые пистолеты, машинки, пупсы, наборы «сделай сам», серии наклеек. Пахнет тёплым пластиком и чем-то вроде жареного лука из закуской за углом. Продавцов много, но у большинства — одинаковый скучающий вид.

Продавец у одного из лотков — молодой парень в кепке — заметно оживляется, когда Женя останавливается у его картонки.

— Фирменные, — говорит он. — Как в магазине. Только в тридцать раз дешевле. Три пакетика за сто рублей.

Женя приподнимает альбом с туканом на обложке и подносит к пакетик. Тукан у неё смотрит вправо, а у продавца — влево.

— А почему тукан другой?

— Художник другой, — не моргнув отвечает парень. — Наклейки те же самые.

Лия толкает Женю в плечо.

— Бери, Жень, тридцать раз дешевле!

Женя колеблется. У неё в **кошелечке** сто пятьдесят рублей — **карманные** за неделю. В магазине один пакетик стоит девяносто. А тут — три за сто. Три жирафа, три рыбы, три каракатицы. Целое море пропущенных зверей за одну неделю карманных.

Она отдаёт сто рублей. Пакетики, тёплые от кулака продавца, оказываются у неё в руке.

Дома Женя раскладывает всё на столе. Мама делает что-то на кухне, слышно, как она моет посуду. Женя открывает первый пакетик. Наклейки блестят слишком сильно, будто их полили лаком. Она находит жирафа — жёлтого, чуть перекошенного, с одним глазом больше другого. Ну ладно, жираф — это жираф.

Она подводит его к пустому окошку в альбоме, снимает подложку, прикладывает. Разглаживает ладонью. Проходит секунда. Другая. Уголок жирафа отходит.

Женя ещё раз прижимает — сильнее. Уголок опять отходит. Как будто клея под ним нет вовсе. Она пробует другую наклейку — рыбу. Та ложится и через минуту сползает вниз, оставляя мутный след. Каракатица не липнет вообще.

Женя молча смотрит на альбом. Потом на кучку блестящих пакетиков. Тукан на обложке её альбома смотрит в одну сторону; тукан на пакетиках — в другую.

— Мам, — говорит она в кухню, — иди сюда, пожалуйста.

Мама подходит с полотенцем в руках. Смотрит на альбом, на скрученную рыбку, на пакетики. Аккуратно берёт один. Читает мелкие буквы на обороте, где обычно печатают производителя. Хмурится.

— Ну да, — говорит она. — Это подделка, Жень.

— Как подделка? Продавец сказал — фирменные.

— Продавец много чего может сказать. А производитель тут — совсем не тот, что должен быть.

Женя сидит с прижатыми к груди руками, всё ещё с полурасправленной рыбкой в пальцах. У неё внутри жарко и обидно.

— Я же не **потратила** зря. Я же в три раза больше купила.

— Три раза больше того, что не работает, — это по-прежнему то, что не работает.

— Но почему настоящие — такие дорогие? Это же просто картинки.

Мама вешает полотенце на плечо и садится рядом.

— Не «просто картинки», Жень. Кто-то этих зверей рисовал по фотографиям, чтобы получилось похоже. Кто-то печатал на специальной бумаге, чтобы клей держал. Кто-то проверял, чтобы жираф не отваливался через минуту. Всем этим людям заплатили за работу. Ты платишь не за листочек — ты платишь за то, что кто-то этот листочек сделал так, что он держится.

— А вот эти? — Женя кивает на пакетики.

— А эти — распечатал кто-то, кто не платил ни художнику, ни печатнику. Он взял чужую работу и продал в тридцать раз дешевле — потому что ему-то работать не пришлось.

Женя молчит. Потом снимает жирафа с альбома — тот отходит без сопротивления, как марка от конверта. Собирает всех неудачных зверей в отдельный конверт.

— А что теперь?

— Теперь, если хочешь, идём в магазин. Купим один настоящий пакетик. И посмотрим, чем он отличается.

В магазине пахнет свежей типографской краской и чуть-чуть кофе. Продавщица в бейджике достаёт с витрины пакетик. Он тяжелее того, с рынка, — плотнее. На обороте — тот самый тукан, что и в альбоме, смотрит вправо.

Женя аккуратно платит девяносто рублей. Дома садится, вскрывает. Наклейки внутри не блестят стеклянно, а имеют матовый шёлковый оттенок — как будто с них смотришь на настоящую шкуру. Первая же — тот жираф, которого не хватало. Женя прикладывает к альбому, разглаживает ладонью. Уголок держится. Через минуту держится. Через пять — тоже.

Женя долго смотрит на страницу. Потом закрывает альбом с туканом и кладёт под мышку, как всегда.

На следующий день во дворе к ней подходит подруга Соня — говорит: «Слышала, у метро наклейки в три раза дешевле, пойдём вместе». Женя открывает свой альбом с туканом, показывает страницу с жирафом. Потом — конверт с неудачными зверями, которые не липнут.

— Смотри, — говорит она. — Вот эту рыбку я тебе как раз три раза приклеивала. Она держалась минуту.

Соня заглядывает в конверт. Долго смотрит на скрученную рыбку. Достаёт её двумя пальцами.

— Ой. И правда — как будто без клея.

— Без клея. Плюс тукан на пакетике не в ту сторону смотрит. Пиратка это, а не «фирменное».

— А в тридцать раз дешевле — что, всегда пиратка?

— Не всегда. Но если больше чем в три-четыре раза — я бы уже проверяла. И спрашивала бы, где производитель. И искала мелкие буквы на обороте.

Соня качает головой. Кладёт рыбу обратно в конверт с уважением, как маленькое доказательство.

— Пойдём, — говорит Женя. — В магазин. Я знаю, где настоящие. Дороже. Но они держатся. И там же посмотрим, кто именно рисует этого жирафа. Это правда интересно.

По дороге в магазин Женя рассказывает про художников, про печатников, про клей, который держит; альбом с туканом лежит у неё под мышкой, и локтем чувствуется его серьёзный вес. Соня слушает молча, потом говорит:

— А знаешь, я всегда думала, что «фирменное» — это просто **цена** такая. А что за ценой — не думала.

— Вот и я не думала, — говорит Женя. — До вчера.

Один плохой отзыв

Игнат вешает через плечо красно-кремовую курьерскую сумку, и та ложится ровно, тяжёлая от четырёх коробок с пирогами. Он поправляет ремень, чтобы не тёр шею, и оглядывает список у себя в руке: подъезд 3, квартира 47; подъезд 5, квартира 12; и ещё два адреса на соседнем доме. Пироги брат Артур пёк с шести утра — Игнат слышал, как хлопала духовка, ещё сквозь сон.

Артур старше на семь лет. Он окончил школу и учится в кулинарном; чтобы **заработать** «на что-нибудь своё», развозит соседям и знакомым мини-пироги с курицей, капустой, ягодами. Заказы приходят через маленький чат в мессенджере: три постоянных клиента, ещё пять — по случаю. Игнат помогает — за это Артур платит ему сто рублей с доставки. Игнат **копит** на новую беспроводную мышку.

У Артура серьёзный подход. У него отдельная маленькая тетрадь, куда он записывает, кто заказывал в этот раз, что понравилось, что не понравилось, какие пожелания. Виктория Сергеевна — с седьмого этажа третьего подъезда — любит с курицей и совсем не любит с луком. Николай — молодой отец с ребёнком-грудничком — всегда просит «потихше в домофон», потому что малыш спит. Игнат раньше на это фыркал: «Ну, брат, ты — маньяк». Артур не спорил. Просто говорил: «Я один. Меня легко забыть. Помнить обо мне — моя работа».

— Не задержись, — говорит Артур. — Люди ждут к шести, а ты знаешь, как оно с горячим: остынет — уже другое дело.

— Знаю-знаю, — Игнат уже в дверях.

Он и правда знает. И всё бы шло по расписанию, если бы во дворе не оказались Санёк и Максим с новой рогаткой из орешника. Игнат — на минуточку, для проверки, как летит. Летит хорошо. Второй раз — уже дальше. Третий — вообще с азартом. Проходит десять минут. Потом двадцать. Потом сорок.

Игнат вспоминает о сумке, только когда Санёк говорит: «Слушай, у тебя там что, тесто в тепле?»

Игнат бежит. Дыхание сбивается, ремень сумки бьёт по бедру. Мимо промельком проносятся знакомая аптека, чужая лавка с шаурмой. У подъезда 3, квартира 47, он звонит в домофон. Открывает женщина. У неё аккуратный вязаный жилет и очень спокойный, но нехороший тон.

— Мальчик, а вы обещали в шесть.

— Ну да, извините, — бурчит Игнат. — Пробки.

— Какие пробки, вы пешком.

Игнат чувствует, как жар поднимается по шее. Он не любит, когда его ловят. Он суёт коробку в руки женщины, разворачивается и говорит через плечо: «Ну извинился же».

Дверь за ним закрывается тихо — что почему-то особенно неприятно.

Остальные три адреса Игнат обходит бегом. У последнего клиента пироги уже совсем не горячие. Клиент — молодой парень в наушниках — молча забирает коробку, кивает, закрывает дверь. Игнат тащит пустую сумку домой, и ремень бьёт по бедру уже совсем противно.

Дома Артур сидит за столом, склонившись над телефоном. Не поднимает головы.

— Игнат. Иди сюда.

Игнат подходит. Артур молча разворачивает экран. В маленьком чате постоянных клиентов — сообщение от кого-то нового: «В этой пекарне разучились уважать людей. Опоздание на час, курьер нахамил. Больше не заказываем».

Ниже — три коротких реакции с плачущими смайликами. Ещё ниже — Виктория Сергеевна пишет: «Вот это неожиданно. Всегда так вовремя было». А ещё ниже — Николай, тот, что заказывал каждую пятницу три месяца подряд: «Ребят, я тогда пас на эту неделю тоже».

— Одна доставка, — говорит Артур ровным голосом. — Один плохой отзыв. И минус две трети моей выручки на неделе.

— Ну это же они истеричные, — начинает Игнат. — Пять минут никто не умрёт от...

— Не пять. Час двадцать. И умрёт не человек — умрёт доверие. Точнее, оно не умрёт. Оно уйдёт. И вернётся не сразу.

Игнат хочет сказать что-то ещё, но не находит. Курьерская сумка стоит у двери — красно-кремовая, пустая, с наглаженными боками. У неё внутри пахнет остывшим пирогом и чем-то смутно виноватым.

— Что мне делать? — говорит он наконец.

— Что сделаешь — то и делай, — отвечает Артур. — Только не жди, что клиенты забудут завтра. Они не забудут. Одна доставка — это не «эпизод». Это твой сегодняшний портрет. Люди по нему теперь тебя рисуют. И не только тебя — меня тоже. И пекарню.

— И что, теперь всё?

— Не всё. Но починить репутацию — это не как крышку от банки закрутить. Это как сад: постепенно, каждый день, поливать. И даже когда всё зазеленело — всё равно поливать. Я в кулинарном на первом курсе слушал историю про одного повара из Питера. У него была отличная репутация десять лет. Он в одну плохую смену клиента обозвал. Не в глаза — за спиной, ему передали. Он потом два года не мог вернуть, что растерял за одну смену. Понял?

— Понял, — говорит Игнат.

— Тогда сам решай, что делать.

Игнат сидит на табуретке минут пять. Потом встаёт. Берёт курьерскую сумку, кладёт в неё пустую записную книжку и карандаш. Идёт в подъезд 3, квартира 47.

Женщина в вязаном жилете открывает не сразу. Смотрит настороженно.

— Здравствуйте, — говорит Игнат. Голос у него хрипит. — Я вчера доставлял пирог. С опозданием. И... нагрубил вам. Мне очень жаль. Я на самом деле не в пробках был. Я во дворе с рогаткой стоял. И я думал, что если извинюсь — этого хватит. Не хватило. Я это теперь понимаю.

Женщина молчит. Смотрит на Игната, на курьерскую сумку у него на плече, снова на Игната.

— Спасибо, что пришёл сказать это в глаза, — наконец говорит она. — Это уже что-то. Но я, если честно, вряд ли скоро закажу снова. Не за то, что опоздал. За то, как ты ответил.

— Я понимаю, — говорит Игнат.

Он оборачивается на лестнице и запоздало добавляет: «Если что — пирог с ягодой в среду у Артура особенно удаётся». Женщина коротко кивает. Дверь закрывается уже без того тихого щелчка, что был вчера.

У Николая Игнат стоит на пороге дольше. Николай слушает, потом хмыкает: «Ну, брат, ты дал», — и говорит, что, может, через месяц-другой снова закажет. Может. Игнат не спорит. Записывает у себя в книжке дату и «попробовать напомним не раньше, чем через шесть недель».

У молодого парня в наушниках дома никого. Игнат оставляет короткую записку в дверях: «Простите за вчера. Пироги были остывшие. Я в этом виноват — не Артур. Игнат».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.